ВЕКОРДИЗМ, ДЕФИЦИТ СОЦИАЛИЗИРУЮЩЕГО ЗНАНИЯ В ПРАКТИКАХ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

УДК 316.752.4

Т. В. ФИЛИППОВСКАЯ

Любая попытка введения нового понятия для объяснения актуальных интеракций и поведенческих стратегий индивидов и общностей не может не вызывать интерес. В связи с этим, векордизм, представленный М. В. Чекмарёвым и А. С. Чупровым [7], неизбежно привлечет внимание исследователей. Это связано с тем, что востребованность оценки способов ухода от реальности, социокультурной и психологической самозащиты в социуме никогда не теряла своей значимости. Итак, по мнению разработчиков понятия, векордизмом следует считать «способ защиты от агрессивного мира путём использования ресурса безумия» [7, с. 6–7]. В свою очередь, агрессивность мира воспринимается человеком через «разнородный поток сигналов, транслирующих, порой, противоположные культурные коды, говорящие об опасности, нестойкости и дискомфортности существования». Отсюда интериоризация мира идет через осмысление свойственных этому миру «психопатологических элементов», а экстериоризация связывается с «крушением надежд на внятный смысл жизни для всех и каждого», детерминируется стремлением к самозащите «от всего мира сразу» и выражается в агрессии и бегстве.

Агрессия, по мнению М. В. Чекмарёва и А. С. Чупрова, проявляется в демонстрации пренебрежения по отношению и к миру природному («лесные пожары» по вине человека, публичное «насилие над животными», символическая агрессия – насилие над собственным телом через пирсингование и татуировки), и к миру социокультурному («неприятие норм общества, транслируемых от родителей к детям»).

Аутоагрессия выделяется авторами отдельной проблемой агрессии «как в физическом, так и психологическом проявлении» и позиционируется «патологией» «на общем фоне гедонистической установки» [7, с. 7]. Однако, мы не видим ответа на вопрос о том, как коррелируют социально-психологический контекст и социокультурные реалии. То есть, не внесена методологическая ясность об этом в связи с различными уровнями интеракций (индивид, общность, общество), диспозициональными акцентами и отличиями в методологических подходах философии, социальной психологии, социологии как общей, так и девиантного поведения, и т. д., хотя авторы используют достаточно широкий междисциплинарный контекст для подтверждения своих выводов.

Указанное нами противоречие проявляется и при обращении М. В. Чекмарёва и А. С. Чупрова к мотивам бегства, которое в сравнении с аутоагрессией «встречается не менее часто. Бежать можно к чему-то и от чего-то, поэтому побег от проблемы предстаёт в форме зависимости или изоляции» [7, с. 8]. Нехимические зависимости авторами дополняются шопингом, трудоголизмом и «аффлюенцэй» – зависимостью от кредитных услуг и обобщаются через всё, что связано с «товарами, услугами и развлечениями» [7, с. 8]. В сущности, как далее указывают М. В. Чекмарёв и А. С. Чупров, происходит своеобразная замена «свободы на очередное рабство».

Причины авторами также представлены:

1. «новая эпоха и новое мироощущение вводит иную классификацию людей, в которой место знания заменяет навык, а компетентность начинает означать «умение делать» без обязательной «способности понять»;

2. «никто не хочет сказать, как принимать самостоятельные решения, совершая осознанный выбор, предполагающий значительную меру (и бремя) ответственности. Человек пытается доверить свою свободу (и, соответственно, ответственность) кому-то или чему-то» [7, с. 8].

К сожалению, эти позиции авторами не подтверждаются ни через социологические, ни через какие бы то ни было другие исследования. Хотя подобный экскурс, предполагающий научность подхода, явно востребован. Думается, что в связи с этим и в последующих авторских выводах позиционируется явное противоречие с предшествующими рассуждениями. Так, М. В. Чекмарёв и А. С. Чупров, развивая мысль не о всепланетарном апокалипсисе, артикулируемом в актуальных исследованиях, а о «социальной смерти», выражают удивление в связи с тем, что в представленном ими фрейме присутствует возрастающий интерес молодежи к духовности: «Девальвация ценностей почти не касается утраты интереса к духовности. Вопросы смысла бытия, смерти, свободы, межличностных взаимоотношений и одиночества не теряют актуальности для молодёжи. Но их поиск идёт в другой культуре. Её даже трудно назвать более низкой» [7,

с. 9]. Скорее, ее следует назвать просто иной – молодежной субкультурой. «Низка» она или «высока», – может быть определено только в процессе выбора критериев для сравнения. Одновременно, не анализируется, почему в рамках именно этой молодежной культуры, как можно увидеть в тексте статьи, параллельно идут взаимоисключающие процессы: векордизм и рост востребованности традиционных культурных ценностей.

Не сосредоточивая внимания на процессности представляемых социальных феноменов, М. В. Чекмарёв и А. С. Чупров так и оставляют читателя перед большим веером комментируемых, но ничем не верифицируемых утверждений. Представляется, что и в этих ссылках явно не хватает классически известных источников. Например, ссылки на подход к исследованию проблемы бегства от свободы Э. Фромма [4, с. 10]. Как известно, ученый указывал: «Современный человек все еще охвачен беспокойством и подвержен соблазну отдать свою свободу всевозможным диктаторам – или потерять ее, превратившись в маленький винтик машины: не в свободного человека, а в хорошо накормленный и хорошо одетый автомат». Не исключено, что и фроммовский концепт о социальном характере также оказал бы значительную помощь авторам в более четкой институционализации вводимого понятия «векордизм». Так, у Э. Фромма указывалось на то, что именно социальный характер является ключевым для понимания общественных процессов и специфической формой. «человеческой энергии, возникающая в процессе динамической адаптации человеческих потребностей к определенному образу жизни в определенном обществе» [4, с. 271].

Аналогично, по можно было бы обратиться и к концептам Э. Фромма по поводу проблем этики, норм и ценностей, так как «неврозы рассматриваются как симптом моральной несостоятельности (хотя «приспособление» никоим образом не может рассматриваться как симптом морального благополучия)» [5, с. 10].

Много дополнительной информации для усиления научности рассуждений М. В. Чекмарёва и А. С. Чупрова можно было бы получить в эссе Р. Арона [1], в работах Ф. Фукуямы [6] и других известных исследователей.

В связи с отсутствием в статье о векордизме того, что мы называем методологией, интересные авторские мысли оказываются как бы в смешении причин и следствий. Так, безусловный интерес представляло бы сопоставление авторских рассуждений с «дефицитом социализирующего знания», который сказывается на неспособности личности сконструировать базовые компетенции, «необходимые для полноценного социального функционирования в обществе» [2]. Этот дефицит назван Е. В. Руденским виктимизацией в образовании и становится «когнитивной дефицитарностью личности» и приводит именно к тем последствиям, на которые указывают М. В. Чекмарёв и А. С. Чупров.

Как бы там ни было, но вопрос, заданный Э. Фроммом много лет назад, остается по-прежнему актуальным: «Как же человечество может спастись от самоуничтожения в этом конфликте между преждевременной интеллектуально-технической зрелостью и эмоциональной отсталостью?» [4, с. 11]. Другой вопрос: каков механизм инициирования этого конфликта в практиках повседневности и, что самое важное – преодоления этого конфликта. В этом ракурсе М. В. Чектарёв и А. С. Чупров предполагают, что «постепенно жизнь в новом мире становится привычной... Компенсация переходит в адаптацию» [7, С. 12]. Но указание на источник преодоления «ресурса безумия» весьма пессимистично: оно связано только со временем взросления «детей начала второго десятилетия XXI века». То есть, тех, «кто всецело вырос внутри среды с высокой информационной динамикой». Учитывая этот, ориентированный только на абстрактное время, прогноз, чрезвычайно важно осознать: если именно они с нашей помощью не освоят технологию минимизации негативных экстерналий от отторжения знаний [3], мир, действительно, «скатится» в полный векордизм.

1. Арон Р. Эссе о свободах / Р. Арон / Пер. с фр. Н. А. Руткевич. – М. : Праксис. – 2005. – 208 с.
2. Руденский Е. В. Рефлексивная концептуализация тенденций модернизации российского образования на основе интеграции парадигм социологии знания и клинической социологии / Е. В. Руденский. – URL: http://www.portalus.ru/modules/psychology/rus.
3. Филипповская Т. В. Отторжение знаний и регрессивная мобильность интеллигенции: актуальные практики // Социум и власть. – 2012. – № 2. С. 19–23.
4. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм / Пер. с нем. Г. Ф. Швейника. – М. : АСТИ; АСТ Москва. – 2011. – 288 с.
5. Фромм Э. Человек для самого себя / Э. Фромм / Пер. с англ. Э. Спировой. – М. : АСТИ; АСТ Москва. – 2009. – 328 с.
6. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М. : АСТИ: АСТ Москва. – 2008. – 730 с.
7. Чекмарёв М. В., Чупров А. С. Векордизм, или мироощущение как способ защиты // Социум и власть. – 2011. – № 4 (32). С. 5–12.